

Нарушение правил законного оборота наркотических средств и психотропных веществ: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства государств постсоветского пространства

Горбачев Александр Александрович,

доцент кафедры социальной работы Института клинической психологии и социальной работы
Российского национального исследовательского медицинского университета
имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации,
кандидат юридических наук
garberi@mail.ru

Цель: показать сходства и различия в подходах государств постсоветского пространства к уголовно-правовому регулированию ответственности за нарушение правил законного оборота наркотических средств, психотропных веществ, иных предметов преступления.

Метод исследования: изучение уголовных кодексов государств постсоветского пространства и их сравнительно-правовой анализ в части, касающейся ответственности за нарушение правил законного оборота наркотических средств, психотропных веществ, иных предметов преступления, изучение международных договоров, регулирующих эти правоотношения.

Вывод: единая модель уголовно-правового регулирования нарушения правил законного оборота наркотических средств, психотропных веществ, иных предметов преступления на постсоветском пространстве отсутствует, существуют лишь некоторые сходства в ряде моделей, поэтому каждое из государств постсоветского пространства сформировало собственный подход к регулированию ответственности за нарушение правил законного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Научная и практическая значимость: возможность использования материалов статьи для гармонизации законодательства государств — участников СНГ, а также для совершенствования национальных уголовных кодексов с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: наркотики, наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, нарушение правил законного оборота, постсоветское пространство, СНГ, сравнительное правоведение.

Проблема противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ (далее — НС и ПВ) остается одной из наиболее сложных и социально значимых в современной России, а также в государствах постсоветского пространства. Уголовное законодательство государств, образовавшихся после распада Союза Советских Социалистических Республик, несмотря на общность исходных правовых источников (прежде всего Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.¹), прошло путь самостоятельного развития, что особенно наглядно проявляется в сфере противодействия незаконному обороту НС и ПВ.

Наряду с преступлениями, совершаемыми в условиях полного отсутствия правового основания для обращения с наркотиками — таких как незаконное хранение, сбыт или производство, — особое внимание со стороны законодателя и правоприменительных органов заслуживают деяния, совершаемые в рамках формально законной деятельности. К этой категории относятся нарушения правил оборота НС и ПВ, предусмотренные в уголовных кодексах государств постсоветского пространства. В условиях масштабного легального оборота НС и ПВ, осуществляемых на тысячах предприятий фармацевтической и химической промышленности, в медицинских организациях, аптеках и иных учреждениях, вопросы уголовной ответственности за нарушение правил их оборота всегда имеют особую актуальность. Кроме того, анализ исследуемых норм по-

зволяет сделать выводы не только о разнообразных формах и направлениях развития уголовного законодательства на исследуемом пространстве, но и об их общих признаках.

Международные механизмы по противодействию незаконному обороту НС и ПВ регулируются международными договорами: Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г., Конвенцией о психотропных веществах 1971 г. и Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Значимость развития международных институтов в данной области обусловлена необходимостью организации международного сотрудничества между государствами, организацией вопросов правовой помощи, выдачи, обмена информацией, касающейся противодействия умышленным деяниям, связанным с оборотом НС и ПВ.

Несмотря на единство международных обязательств, национальное законодательство государств постсоветского пространства имеет определенные особенности в части установления уголовной ответственности за нарушение правил оборота НС и ПВ. В частности, подобные нормы содержатся в уголовных кодексах всех пятнадцати стран: в УК Азербайджанской Республики (ст. 240-4)², в УК Республики Армения (ст. 395)³, в УК Республики Беларусь

² См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. // URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (дата обращения: 20.02.2026).

³ См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=39571894 (дата обращения: 22.02.2026).

¹ См.: Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик от 2 июля 1991 г. № 2281-1 // СПС «Гарант».

(ст. 330)⁴, в УК Грузии (ст. 269, 270)⁵, в УК Республики Казахстан (ст. 303)⁶, в УК Киргизской Республики (ст. 289)⁷, в УК Латвийской Республики (ст. 249)⁸, в УК Литовской Республики (ст. 268)⁹, в УК Республики Молдова (ст. 218)¹⁰, в УК Российской Федерации (ст. 228.2)¹¹, в УК Республики Таджикистан (ст. 206(1))¹², в УК Туркменистана (ст. 333)¹³, в УК Республики Узбекистан (ст. 275)¹⁴, в УК Украины (ст. 320)¹⁵ и в УК Эстонской Республики (ст. 190)¹⁶.

В рамках Содружества Независимых Государств был принят Модельный уголовный кодекс¹⁷, а также Модельный закон о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах¹⁸, которые хотя и не обладают обязательной силой, оказали заметное влияние на национальное законодательство¹⁹. Целесообразность принятия Модельного закона о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах была вызвана изменением наркоситуации, требующим коррекции антинаркотической политики, а также необходимостью

дальнейшей адаптации к требованиям ранее указанных международных антинаркотических конвенций, необходимостью обеспечения комплексного нормативно-правового регулирования не только противодействия незаконному обороту наркотиков, но и всего оборота в целом, включая легальный, а также вопросов лечения, реабилитации и профилактики наркомании²⁰.

Тем не менее, как показывает анализ, полной унификации уголовно-правовых норм на постсоветском пространстве не достигнуто, несмотря на некоторые попытки организовать такого рода процессы в рамках СНГ, и, соответственно, различия между государствами подчас носят принципиальный характер.

Первая группа различий касается предмета преступления.

В большинстве анализируемых кодексов в качестве предмета прямо называются НС и ПВ. Однако ряд государств существенно расширяют этот перечень. Так, в уголовных кодексах Азербайджанской Республики (ст. 240-4), Литовской Республики (ст. 268) и Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 206(1)) наряду с названными веществами предусмотрена ответственность за нарушение правил обращения с сильнодействующими или ядовитыми (а в Литовской Республике — высокоактивными или токсичными) веществами, которые не относятся к наркотическим или психотропным.

В уголовных кодексах Грузии (ст. 269), Республики Беларусь (ст. 330), Республики Казахстан (ст. 303), Киргизской Республики (ст. 289), Российской Федерации (ст. 228²), Республики Таджикистан (ст. 206(1)), Украины (ст. 320) предметная сфера дополнительно охватывает еще и прекурсоры. При этом в Грузии, Киргизии, Беларуси, Таджикистане и Российской Федерации в качестве предметов дополнительно указаны инструменты и оборудование, используемые для изготовления НС и ПВ и находящиеся под специальным контролем. Так, наиболее широкий подход демонстрирует Российская Федерация, где ст. 228² УК РФ, помимо перечисленного, включает в предмет преступления растения, содержащие НС, ПВ либо их прекурсоры, а также их части. Ст. 228² УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения НС и ПВ, либо их прекурсоров, инструментов или оборудования, используемых для изготовления НС и ПВ, находящихся под специальным контролем, повлекшее их утрату. Как видно из диспозиции статьи, российский законодатель перечисляет большое количество альтернативных действий, за которые предусмотрена уголовная ответственность, что свидетельствует о ее высоком уровне бланкетности. Правила оборота НС и ПВ, к которым необходимо обращаться при квалификации преступления, содержатся в нескольких десятках федеральных нормативных правовых актов. Перечень веществ, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем, устанавливается Правительством РФ. Инструменты и оборудование, как предметы преступления, должны отвечать требованиям, указанным в Критериях и списке инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем.

Что характерно, подобной бланкетностью обладают все нормы уголовных законов о нарушении правил обо-

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 22.02.2026).

⁵ См.: Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. // URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/legislation/natlegbod/1999/ru/103652> (дата обращения: 22.02.2026).

⁶ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 03.03.2026).

⁷ См.: Уголовный кодекс Киргизской Республики от 28 октября 2021 г. // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru> (дата обращения: 15.03.2026).

⁸ См.: Уголовный кодекс Латвийской Республики от 17 июня 1998 г. // URL: <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/ugolovnij-zakon-latvii.pdf> (дата обращения: 22.02.2026).

⁹ См.: Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 г. // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2888> (дата обращения: 22.02.2026).

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 22.02.2026).

¹¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // СПС «Гарант».

¹² См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 22.02.2026).

¹³ См.: Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 22.02.2026).

¹⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 22.02.2026).

¹⁵ См.: Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 15.03.2026).

¹⁶ См.: Уголовный кодекс Эстонской Республики от 6 июня 2001 г. // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16677> (дата обращения: 22.02.2026).

¹⁷ См.: Модельный Уголовный кодекс для государств — участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) // СПС «Гарант».

¹⁸ См.: Модельный закон о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 постановлением 27-6 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ // СПС «Гарант».

¹⁹ Необходимо уточнить, что в состав СНГ на начало 2026 г. входило 8 членов (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан). Туркменистан является ассоциированным членом. Республика Молдова на начало 2026 г. планирует денонсировать устав СНГ и официально выйти из организации. Украина фактически прекратила участие в деятельности СНГ в 2018 г., не ратифицировав устав, а Грузия вышла из его состава в 2009 г. Страны Прибалтики никогда в состав СНГ не входили.

²⁰ См.: Наркоситуация в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности в 2018 году: аналитические материалы / П.В. Тепляшин, М.Г. Мелихов, Н.Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 60 с.

рота НС или ПВ на постсоветском пространстве. Это банально следует из названий исследуемых норм, в которых в постсоветских уголовных кодексах присутствует такое словосочетание, как «нарушение правил» (или как в Грузии — «нарушение порядка», а в Эстонии — «нарушение требований»), что объясняет наличие дополнительных подзаконных нормативных правовых актов в каждой стране, регулирующих такого рода правоотношения (если есть необходимость углубленного изучения вопроса).

Кроме того, в уголовных кодексах каждого из государств описываются свои нарушения: в Азербайджане нарушения касаются правил производства, приобретения, учета, хранения, отпуска, перевозки или пересылки; в Грузии — порядка изготовления, производства, получения, учета, отпуска, хранения, перевозки, пересылки или ввоза; в Латвии — правил производства, приобретения, хранения, учета, выдачи, перевозки и пересылки; в Армении и Киргизии — правил законного оборота; в Литовской Республике и в Республике Беларусь — правил (законного) обращения; в Казахстане — правил производства, изготовления, переработки, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки, ввоза, вывоза, пересылки либо уничтожения; в Молдавии — установленных правил производства, изготовления, переработки, приобретения, хранения, учета, выдачи, отчуждения, распределения, транспортировки, отгрузки, использования, импорта, экспорта, уничтожения; в Российской Федерации и в Таджикистане — правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи (только в Российской Федерации), распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения; в Туркменистане — правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки; в Узбекистане — установленных правил производства, хранения, учета, отпуска, провоза или пересылки; на Украине — установленных правил посева или выращивания снотворного мака либо конопли, а также нарушения правил производства, изготовления, хранения, учета, отпуска, распределения, торговли, перевозки, пересылки либо использования; в Эстонии — требований к изготовлению, производству, обработке, упаковке, хранению, перевозке, импорту, экспорту, транзиту, передаче или учету. Как видно из представленных примеров, законодатели постсоветских государств не пришли ни к какой унификации в вопросе уголовно-правового регулирования законного оборота НС, ПВ и иных предметов, подлежащих контролю, хотя общее сходство в наличии во всех 15 уголовных кодексах подобных норм, конечно, присутствует.

Вторая группа различий связана с конструкцией объективной стороны. Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение правил оборота НС, ПВ и иных предметов, в подавляющем большинстве государств постсоветского пространства сформулированы как материальный состав, что требует наличия в действиях лица не только самого деяния, но и наступления последствий. В УК Азербайджанской Республики (ст. 240–4) таким последствием выступает причинение иного существенного вреда по неосторожности; в УК Республики Армения (ст. 395) — хищение или незаконный оборот, наступившие вследствие неосторожности нарушителя; в УК Грузии (ст. 269, 270) — выпуск в незаконный оборот; в УК Республики Беларусь (ст. 330) — утрата или расхищение по неосторожности; в УК Республики Казахстан (ст. 303) — хищение либо иные тяжкие последствия; в УК Киргизской Республики (ст. 289) — утрата, причиненная по неосторожности;

в УК Литовской Республики (ст. 268) — изъятие веществ или их попадание в незаконный оборот в результате нарушения; в УК Латвийской Республики (ст. 249) — причинение существенного вреда; в УК Республики Молдова (ч. 4 ст. 218) — потеря веществ; в УК Российской Федерации (ст. 228²¹) — утрата предмета преступления, в УК Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 206(1)) последствия не конкретизированы, но в ч. 2 статьи говорится о хищении или существенном вреде. Особняком стоит УК Украины (ч. 2 ст. 320). В статье предусмотрены последствия в виде недостачи НС, ПВ, их аналогов либо прекурсоров в крупных размерах, либо хищение, присвоение, вымогательство или завладение ими путем мошенничества либо злоупотребления служебным лицом своим служебным положением. В Эстонской Республике (ст. 190) последствия предусмотрены в виде незаконного попадания веществ в оборот по неосторожности. Исключение составляет, пожалуй, только Туркменистан (ст. 333) и Республика Узбекистан (ст. 275), которые не содержат явного указания на последствия, что сближает их с формальными составами преступлений.

Третья группа различий в исследуемых статьях уголовных законов государств постсоветского пространства — это круг субъектов преступления. Применительно к нарушению правил оборота практически все уголовные кодексы прямо указывают на специального субъекта: лицо, на которое в силу закона или должностных обязанностей возложено соблюдение соответствующих правил. Подобная формулировка содержится в уголовных кодексах Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Российской Федерации, Таджикистана, Туркменистана и Эстонии. Тем самым законодатель подчеркивает, что данные преступления совершаются в сфере профессиональной (медицинской, фармацевтической, химической, правоохранительной) деятельности и связаны с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей.

Примечательной особенностью обладают нормы, содержащиеся в уголовных кодексах Литовской и Эстонской Республик, где наряду с физическими лицами уголовная ответственность за нарушение правил оборота предусмотрена и для юридических лиц (ч. 2 ст. 268 литовского УК, ч. 2 ст. 190 эстонского УК). Аналогичные положения об ответственности юридических лиц содержатся в примечаниях к ст. 267–270 УК Грузии. Здесь мы видим примеры специальных условий о возможности такого рода ответственности, прописанных в конкретных нормах особенных частей описываемых уголовных законов.

На самом деле ответственность юридических лиц на постсоветском пространстве — это не новшество, и впервые она появилась как раз в УК Литовской Республики (2000 г.)²¹ и в УК Эстонской Республики (2001 г.). Далее еще семь уголовных кодексов: УК Республики Молдова (2002 г.), УК Латвийской Республики (2005 г.), УК Грузии (2006 г.), УК Украины (2009 г.), УК Азербайджанской Республики (2012 г.), УК Киргизской Республики (2017 г.) и УК Республики Армения (2021 г.), были дополнены нормами об уголовной ответственности юридических лиц. То есть за прошедшие четверть века уже девять государств из пятнадцати бывших республик СССР внедрили в уголовное законодательство такого рода практику²².

²¹ В скобках указаны годы принятия актов, устанавливающих уголовную ответственность юридических лиц в некоторых странах постсоветского пространства.

²² Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022.

По мнению А.В. Федорова, введение института уголовной ответственности юридических лиц обусловлено объективными причинами. Во-первых, в условиях глубоких социально-экономических преобразований институт уголовной ответственности юридических лиц необходим для должного регулирования рыночных отношений, формирования конкурентной среды, эффективного регулирования отношений государства и бизнеса, защиты прав и интересов граждан. Во-вторых, национальные и коллективные интересы государств — участников СНГ требуют их активного участия в различных международных организациях, обеспечивающих развитие экономического и политического сотрудничества на основе международных договоров, в том числе в сфере противодействия новым вызовам и угрозам²³. Вместе с тем во всех странах применение уголовно-правовых мер к юридическому лицу не исключает уголовной ответственности физического лица, совершившего соответствующее деяние или участвовавшего в какой-либо форме в его совершении. Кроме того, не любые юридические лица могут являться субъектами преступления или субъектами уголовной ответственности. Как правило, это юридические лица частного права. Обычно юридические лица публичного права не подлежат ответственности.

Четвертая группа различий — по субъективной стороне преступления. На основе проведенного анализа можно выделить несколько подходов. Первый, наиболее строгий, закреплён в Армении, Литве, Эстонии и в примечании к ст. 228² УК Российской Федерации, где прямо указывается, что деяние должно быть совершено по неосторожности (либо последствия наступают по неосторожности). Второй подход, более распространенный, предполагает так называемую двойную (смешанную) форму вины: нарушение правил законного оборота НС и ПВ (или иных предметов) может быть как умышленное, так и неосторожное, но отношение к последствиям — только неосторожное. Наиболее точно эта конструкция выражена в ст. 289 УК Киргизской Республики, где диспозиция начинается со слов «умышленное или неосторожное нарушение правил... причинившее по неосторожности его утрату». Аналогичная логика прослеживается в ст. 330 УК Республики Беларусь; ст. 303 УК Республики Казахстан; ч. 4 ст. 218 УК Республики Молдова; ч. 1 ст. 206(1) УК Республики Таджикистан и в ч. 1 ст. 320 УК Украины.

Отдельного внимания заслуживают стимулирующие нормы, поощряющие позитивное посткриминальное поведение, т.е. основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в примечаниях к статьям уголовных кодексов или в отдельных нормах. В примечании 2 к ст. 240-4 УК Азербайджанской Республики содержится положение об освобождении от уголовной ответст-

венности лица, добровольно сдавшего сильнодействующие или ядовитые вещества либо активно способствовавшего раскрытию преступления. Уникальной для постсоветского пространства является отдельная ст. 254 УК Латвийской Республики, которая освобождает от ответственности за приобретение, хранение, перевозку и пересылку НС и ПВ лицо, добровольно сдавшее эти вещества, либо добровольно сообщившее об их приобретении, либо, что особенно важно, предоставившее или организовавшее помощь другому лицу в случае передозировки с предотвращением угрозы для его жизни и здоровья.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что на постсоветском пространстве отсутствует единая модель уголовно-правового регулирования уголовной ответственности за нарушение правил легального оборота НС и ПВ. При формальном наличии во всех государствах уголовной ответственности за нарушение правил оборота НС и ПВ присутствует высокая степень фрагментации. Выявленные различия не имеют системного характера и не позволяют говорить о формировании единой модели уголовно-правового регулирования, несмотря на наличие общих международно-правовых обязательств и модельных законов, принятых в рамках СНГ. Можно лишь говорить о том, что некоторые нормы больше похожи друг на друга (например, ст. 228² УК Российской Федерации, ст. 303 УК Республики Казахстан, ст. 206(1) УК Республики Таджикистан действиями, перечисляемыми в объективной стороне). Однако по предмету преступления исследуемые статьи уголовных кодексов Российской Федерации и Республики Казахстан имеют существенные различия. Статья 333 УК Туркменистана и ст. 275 УК Республики Узбекистан имеют сходство в объективной стороне с точки зрения конструкции (оба состава формальные), но по таким признакам, как действия или предмет преступления, кардинально отличаются друг от друга. На самом деле невозможно даже выделить некую «балтийскую» модель, поскольку в исследуемых нормах уголовных кодексов стран Прибалтики также присутствуют значительные различия в объективной стороне преступления. Выявленная фрагментация свидетельствует об отсутствии унифицированного подхода в рамках постсоветского пространства, несмотря на наличие общих международно-правовых обязательств и модельных законов, принятых в рамках СНГ.

С момента распада СССР прошло более 30 лет — период, достаточный для самостоятельного развития национальных уголовно-правовых систем. За это время каждое из государств постсоветского пространства сформировало собственный подход к регулированию ответственности за нарушение правил законного оборота НС и ПВ, что и предопределило выявленное многообразие моделей. Таким образом, наблюдаемые значительные различия в законодательствах представляют собой закономерный результат суверенного нормотворчества, а не свидетельство несовершенства отдельных норм.

²³ См.: Федоров А.В. Рекомендательные акты СНГ об уголовной ответственности юридических лиц в контексте новых вызовов и угроз // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 18.

Литература

1. Наркоситуация в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности в 2018 году: аналитические материалы / П.В. Тепляшин, М.Г. Мелихов, Н.Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 60 с.
2. Федоров А.В. Рекомендательные акты СНГ об уголовной ответственности юридических лиц в контексте новых вызовов и угроз / А.В. Федоров // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 13–20.
3. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография / А.В. Федоров. Москва: Юрлитинформ, 2022. 248 с.